

Секция «9.10 Государственная политика и управление: институциональное, ценностное и гуманитарное измерение в условиях глобальных трансформаций»

Нарративная война в цифровом медиапространстве как форма политического манипулирования: понятие, структура и механизмы воздействия

Научный руководитель – Турунок Станислав Генрихович

Юсупов Марат Минаятович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет государственного управления, Кафедра политического анализа, Москва, Россия

E-mail: marat_yusupovv@list.ru

Современная политическая реальность характеризуется беспрецедентным ростом значения информационного воздействия как инструмента достижения политических целей. Демократизация доступа к информации, развитие социальных сетей и цифровых медиа, а также совершенствование технологий обработки данных существенно трансформировали пространство политической коммуникации. В этих условиях традиционные формы политического манипулирования - пропаганда, дезинформация, психологические операции - приобретают новое качество, интегрируясь в более сложные и системные стратегии воздействия на массовое сознание.

Одной из таких стратегий, привлекающих всё большее внимание исследователей и практиков в области политических наук и безопасности, является нарративная война (*Narrative Warfare*). Данное понятие, введённое в научный и политико-аналитический дискурс в конце 2010-х годов, обозначает целенаправленное использование повествовательных конструкций для формирования восприятия реальности, управления идентичностями и влияния на политическое поведение целевых аудиторий. В отличие от классической пропаганды, нарративная война оперирует не отдельными информационными сообщениями, а целостными смысловыми системами, интегрирующими факты, интерпретации, ценности и эмоции в единое повествование [18;19].

Актуальность исследования нарративной войны обусловлена несколькими факторами.

· Во-первых, цифровая трансформация медиапространства создала принципиально новую инфраструктуру для распространения и амплификации (массового количественного приращения за счет копирования) нарративов, включая алгоритмические механизмы рекомендательных систем, бот-сети и технологии таргетирования контента [21;27].

· Во-вторых, нарративная война всё чаще рассматривается как компонент гибридных конфликтов и угроза национальной безопасности государств [2;20].

· В-третьих, существующая научная литература, при всём её богатстве, не предлагает устоявшейся концептуализации нарративной войны как самостоятельного феномена, и это создаёт потребность в систематическом теоретическом анализе.

Нарративная война представляет собой качественно новый уровень политического манипулирования, принципиально отличающийся от традиционной пропаганды, информационной войны и информационного противоборства. Борьба ведется не за информацию, а за смысл информации. Воздействие направлено на смысловые рамки идентичности, а не на отдельные сообщения или сознание. Целью является долгосрочное формирование картины мира целевой аудитории через целостные повествовательные системы. Предложенная сравнительная матрица систематизирует эти различия по ряду критериев, демонстрируя, что специфика нарративной войны заключается в фокусе на смысловых рамках и идентичностях, долгосрочном итерационном характере и использовании цифровых платформ как инфраструктуры амплификации [11;22].

Модель нарративного цикла включает в себя пять стадий цикла и развивает существующие линейные модели стратегических нарративов, дополняя их стадиями амплификации и адаптации и замыкая процесс в итерационный цикл с обратной связью [24].

Пять стадий цикла:

- Конструирование: Создание системы из системных, идентитарных и проблемных нарративов [24].
- Проекция: Мультиплатформенное распространение (СМИ, соцсети, дипломатия) [16].
- Амплификация: Усиление через «ботов», троллей, алгоритмы и «мемную войну» [12;17;23;25].
- Рецензия: Восприятие аудиторией, подавление критического мышления через «транспортировку» (подавление критического анализа и контраргументации через погружение в повествование) [5;13].
- Адаптация: Мониторинг реакции и контрнарративов, корректировка стратегии, замыкающая цикл.

Работоспособность модели может быть продемонстрирована на материале четырёх эмпирических кейсов:

- Инфодемия COVID-19: Множество акторов вели конкурентную нарративную войну, адаптируя нарративы под новые события (вакцинация, локдауны) [15].
- Стратегия ИГИЛ: Наглядная демонстрация стадии адаптации: при потере территорий нарратив сместился с «государственного строительства» на «подстрекательство к атакам» [9;28].
- «Дипломатия воинов-волков» (КНР): Конвергенция официальных каналов (сверху вниз) и националистических онлайн-сообществ (снизу вверх) на стадии проекции [26;29].
- Brexit: Пример ситуативной амплификации через бот-сети, активный только в период референдума [4].

Многоуровневая модель механизмов воздействия систематизирует аналитические уровни нарративной войны - от субъекта через цифровую инфраструктуру и когнитивные механизмы к политическим результатам. Анализ взаимодействия этих уровней позволяет сформулировать и обосновать принцип нарративной асимметрии: деструктивный нарратив имеет системное структурное преимущество перед защитным в цифровом медиaprостранстве [6;7;10;14].

В противовес доминирующей сегодня «контентной» парадигме информационной безопасности, которая, борясь с отдельными фейками и дезинформацией через их блокировку и маркировку, оказывается неспособной противостоять целостным нарративным системам, постоянно продуцирующим новые смыслы, предлагается переход к «нарративной парадигме».

Данная парадигма базируется на трех взаимосвязанных направлениях:

- Во-первых, это стратегическое управление, подразумевающее проактивное формирование собственных когерентных нарративов, резонирующих с идентичностью аудитории, вместо реактивного опровержения чужих;
- Во-вторых, развитие нарративной грамотности населения, обучающей пониманию механизмов фрейминга, транспортировки и работы эхо-камер, а не только различению фактов и вымысла;
- В-третьих, институциональный мониторинг, переориентированный с отслеживания изолированных сообщений на анализ эволюции и циклов развития целых нарративных систем.

Принцип нарративной асимметрии обуславливает необходимость перехода от «контентной» к «нарративной» парадигме информационной безопасности, предполагающей стратегическое управление нарративным пространством, развитие нарративной грамотности

населения и институциональный мониторинг нарративных кампаний. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией модели нарративного цикла на расширенном наборе кейсов, количественной оценкой нарративной асимметрии и разработкой методологии мониторинга нарративных систем [1;3;8].

Источники и литература

- 1) Базавлук С.В., Ковалёв А.А. Информационное противоборство в многополярном мире // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 236–250. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-236-250.
- 2) Коньшев В., Парфенов Р. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 12. С. 56–66.
- 3) Мясников С.А. Легитимация специальных операций во внешней политике России: стратегические нарративы российских официальных лиц // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 4. С. 105–117. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-105-117.
- 4) Bastos M.T., Mercea D. The Brexit Botnet and User-Generated Hyperpartisan News // Social Science Computer Review. 2019. Vol. 37, No. 1. P. 38–54. DOI: 10.1177/0894439317734157.
- 5) Braddock K., Dillard J.P. Meta-Analytic Evidence for the Persuasive Effect of Narratives on Beliefs, Attitudes, Intentions, and Behaviors // Communication Monographs. 2016. Vol. 83, No. 4. P. 446–467.
- 6) Bradshaw S., Howard P.N. The Global Disinformation Order: 2019 Global Inventory of Organised Social Media Manipulation. Working Paper 2019.3. Oxford: Oxford Internet Institute, 2019.
- 7) Bradshaw S., Howard P.N. Troops, Trolls, and Troublemakers: A Global Inventory of Organized Social Media Manipulation. Working Paper 2017.12. Oxford: Oxford Internet Institute, 2017. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
- 8) Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
- 9) El Damahoury K., Winkler C. Intersections of the Real and the Virtual Caliphates: The Islamic State’s Territory and Media Campaign // Journal of Global Security Studies. 2021. Vol. 6, No. 2, oga020. DOI: 10.1093/jogss/ogaa020.
- 10) Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, No. 4. P. 51–58.
- 11) Freedman L. The Transformation of Strategic Affairs. Adelphi Paper 379. Abingdon: Routledge / IISS, 2006. 88 p.
- 12) Giese J. It’s Time to Embrace Memetic Warfare // Defence Strategic Communications. 2015. Vol. 1, No. 1. P. 67–75.
- 13) Green M.C., Brock T.C. The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79, No. 5. P. 701–721.
- 14) Huszár F., Ktena S.I., O’Brien C. et al. Algorithmic Amplification of Politics on Twitter // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2022. Vol. 119, No. 1, e2025334119. DOI: 10.1073/pnas.2025334119.

- 15) Islam Md.S. et al. COVID-19–Related Infodemic and Its Impact on Public Health // *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 2020. Vol. 103, No. 4. P. 1621–1629. DOI: 10.4269/ajtmh.20-0812.
- 16) Krieg A. *Subversion: The Strategic Weaponization of Narratives*. Washington, DC: Georgetown University Press, 2023. 312 p.
- 17) Linvill D.L., Warren P.L. Troll Factories: Manufacturing Specialized Disinformation on Twitter // *Political Communication*. 2020. Vol. 37, No. 4. P. 497–514. DOI: 10.1080/10584609.2020.1718257.
- 18) Maan A.K. *Narrative Warfare*. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018. 128 p.
- 19) Maan A.K., Cobaugh P.L. *Introduction to Narrative Warfare: A Primer and Study Guide*. Narrative Strategies Publications, 2018. 164 p.
- 20) Mazarr M.J., Bauer R., Casey A. et al. *The Emerging Risk of Virtual Societal Warfare: Social Manipulation in a Changing Information Environment*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019. DOI: 10.7249/RR2714.
- 21) Mazarr M.J., Casey A., Demus A. et al. *Hostile Social Manipulation: Present Realities and Emerging Trends*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2019. DOI: 10.7249/RR2713.
- 22) Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L. *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. New York: Routledge, 2013. 220 p.
- 23) Paul C., Matthews M. *The Russian "Firehose of Falsehood" Propaganda Model*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2016. DOI: 10.7249/PE198.
- 24) Roselle L., Miskimmon A., O’Loughlin B. *Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power* // *Media, War & Conflict*. 2014. Vol. 7, No. 1. P. 70–84. DOI: 10.1177/1750635213516696.
- 25) Scheirer W., Yankoski M., Weninger T. *Meme Warfare: AI Countermeasures to Disinformation Should Focus on Popular, Not Perfect, Fakes* // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2021. Vol. 77, No. 3. P. 119–123.
- 26) Sullivan J., Wang W. *China’s "Wolf Warrior Diplomacy": The Interaction of Formal Diplomacy and Cyber-Nationalism* // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2023. Vol. 52, No. 1. P. 68–88. DOI: 10.1177/18681026221079841.
- 27) Woolley S.C., Howard P.N. (eds.) *Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- 28) Yarchi M. *ISIS’s Media Strategy as Image Warfare: Strategic Messaging over Time and across Platforms* // *Communication and the Public*. 2019. Vol. 4, No. 1. P. 53–67. DOI: 10.1177/2057047319829587.
- 29) Yuan S. *Tracing China’s Diplomatic Transition to Wolf Warrior Diplomacy and Its Implications* // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10, Article 837. DOI: 10.1057/s41599-023-02367-6.